

**О ПОПОВЕ В. М. — в ПОМПОЛИТ
ПОПОВ В. М. — ПОПОВОЙ Н. В.
ПОПОВ В. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ПОПОВ Владимир Михайлович, родился в 1890-х. Окончил Петроградский университет. Ученый, исследователь русского языка, магистр философии, имеет много научных трудов. В 1920-х — проживал в Новороссийске, работал научным сотрудником КИПС Академии наук. В январе 1931 — арестован, обвинялся в антиколхозной агитации, 2 февраля 1931 — приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Котлас, был на лесных работах. 3 января 1932 — арестован в Котласе по обвинению в убое коровы и заключен в тюрьму.

В январе 1932 — в Помполит обратилась за помощью Н. В. Попова, дочь Владимира Михайловича Попова.

<15 января 1932>

«В О<бщест>во Помощи Политическим заключенным

Н. В. Попова, Ленинград 7,
Красноарм<ейская>, д<ом> 2, кв. 91

Заявление

8-го октября 1931 г<ода> я обратился на имя Е. П. Пешковой с изложением обстоятельств дела ареста Новороссийским ГПУ моего отца Вл<адимира> Мих<айловича> Попова и высылкой его в г<ород> Котлас. На это от Вас получено сообщение от 5/XI-31 г<ода> № 17225 с указанием о необходимости подачи через Вас заявления на имя ОГПУ, что мной было сделано, и такое заявление направлено Вам 12-го ноября 1931 г<ода>.

Судьба последнего мне неизвестна??

Между тем, сего числа получено прилагаемое письмо отца, где он сообщает, что арестован в г<ороде> Котласе милицией по обвинению в убое какой-то коровы, что он, конечно, не совершал, и к чему никакой причастности не имеет. Отец только что перенес сыпной тиф, еще даже не оправился хорошо, и новое его заключение под стражу грозит ему гибелью.

Обвинение для него — человека интеллигентного, ученого магистра филологии, бывш<его> научного работника Академии наук, с рядом печатных трудов, — совершенно нелепое и невероятное!! Но, как пишет отец, — его положение чрезвычайно осложнено тем, что с ним не считаются, и милиция даже не принимает во внимание его показаний и объяснений, очевидно, считая, что раз административно высланный — то способен на все.

Легко представить весь ужас положения моего отца, удаленного от семьи, без средств, без права даже защиты, совершенно больного, изнуренного пребыванием в тюрьме в Новороссийске, а затем высылкой.

Я умоляю Вас оказать свое содействие к облегчению участи отца, снестись с Котласским ГПУ, милицией, настоять на обстоятельном расследовании этого дела, вопиющего по своей анекдотической невероятности, но с серьезными последствиями для неповинного ни в чем человека.

Усердно прошу сделать это.

Н. Попова.

15/I-32»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 798. С. 182. Автограф.

К письму Н. В. Поповой была приложена переписанная ею копия письма отца, Владимира Михайловича Попова.

«Копия письма отца (ввиду неразборчивости)

У меня кошмар на кошмаре. Новое обвинение, теперь уголовное; еще нелепее, и опять в заключении и на этот раз за решетками.

В рабочем бараке, куда меня просили, и к которому проходить надо было мимо каких-то пустырей, в одной из построек которого накануне была зарезана корова, меня захватывают; после обыска там, не давшего результатов, милиция отправляет в арест<ный> дом, предварительно найдя "мой след" около какой-то постройки, мимо которой я проходил в этот барак 3-го. Несмотря на требование мое опросить всех, у кого я был накануне, и в читальне, и в клубе, у доктора философии, у Строгановых, в депо — ничего этого даже не заносится в мои показания, а передо мной перелистывают какие-то бумаги и говорят: "вот у нас сколько материала против Вас, сознайтесь в соучастии в убое коровы" (в первый раз говорили — какого-то комбината, а при подписке взятия под стражу в виде меры пресечения — корова указывается какого-то гр<ажданина> Подескина). Отобрали сумочку, присланную тобой, с письмами, хинином, салицилкой, с фотографиями моих... Вчера Власова Полина принесла хлеб... Хуже всего, что при всей нелепости обвинения, следствие ведется так, чтобы непременно не дать оправдаться, не слушают, когда прошу вызвать тех, у кого я был накануне, что делал там.

Все труднее становится мне выносить все эти мучения. Книг, корреспонденции нет никаких; грязь ужасающая. Тиф и болезни всех видов, в камере заболевают по несколько человек в день.

Целую В. Попов»².

В феврале 1932 — Владимир Михайлович Попов лично просил помощи Помполита.

<1 февраля 1932>

«В Комиссию Красного Креста, Председателю

Заявление научного сотрудника
КИПС Академии Наук. 1927 г<ода>
Владимира Михайловича Попова

3-го января я, административно сосланный в Сев<ерный> край был арестован и заключен по подозрению в убое какой-то коровы. Несколько дней меня допрашивали и требовали моего сознания в деле, к которому я был непричастен. Все пережитое мною заставило меня обратиться к Председателю Красного Креста, т<оварищу> Пешковой, с просьбой содействовать выяснению оснований моей ссылки.

Моими родными возбуждалось ходатайство перед Комиссией Красного Креста о просмотре дела с обвинением по 10 п<ункту> 58 ст<атьи> и ссылкой на 3 года с 2/II-1931 г<ода> в Северный край из г<орода> Новороссийска. Но результаты ходатайства неизвестны, а мучительные, незаслуженные переживания продолжаются.

Там следствие приписывало мне агитацию против колхоза, опираясь на мою статью в журнале Макс<има> Горького "Наши достижения", — о недочетах ближайшего колхоза, но в этой же статье основной идеей было пожелание коммунизации всех колхозов и совхозов побереж<ья> Кавказа для нужд рабочего класса всего СССР.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 798. С. 183. Автограф.

Там совершенно извращен был смысл статьи о преимуществе пролетарской свободы к передвижению перед прикрепленностью к земле старого земледельца (в этой же статье, изъятой из моих бумаг, указывается на интернациональное значение таких имен, как "коммуна" и др<угие>).

Далее — приписывалась пропаганда и обработка местного населения "в духе толстовщины" на основании каких-то сообщений задним числом о двух лекциях моих, прочитанных за 2 года перед тем по просьбе граждан на их собрании и учащихся Пед<агогического> техникума на опытном участке (в дни 100 л<етнего> юбилея со дня рождения Л. Н. Толстого)³. Мои указания на вопрос (не знаю — прокурора или следователя) — "как можете доказать, что вы не толстовец?" — не проверены: письма мои к Л. Толстому за 1910 г<од>, находящиеся среди архива писем к нему в Москве — остались не извлеченными (в музее Л. Т<олстого>, вероятно).

Я не знаю, опрошены ли мои свидетели, которые должны были выяснить, что за весь 29 г<од> я ни у одного жителя поселка не был, на собраниях не говорил, т<о> е<сть> агитацию не вел, а продолжал свои научные работы ("Известия Ак<адемии> Наук", 1929 г<од>; начало исследований по русскому языку печаталось там же в журн<алах> 1913 г<ода>, 1915 г<ода>).

Я указывал и почему возникли обвинения меня, что соответствовало не только моим соображениям и словам агента Р<абоче>-К<рестьянской> И<нспекции> (которому было поручено ведение дела по моей жалобе на граждан села, игнорировавших постановление бригады по проведению коллективизацию в январе 1930 г<ода> о возвращении семье В. М. Попова всего, незаконно у него взятого):

— У Вас много врагов в Широкой балке. Советую Вам перейти куда-нибудь.

Я указывал, что приписываемая мне будто бы "стенографическая" запись моих слов о пятилетке написана не моим слогом, не моим стилем, и мне даже самый смысл был непонятен.

Мне предъявили родство или знакомство с лицами, которых никогда не знал (каким-то професс<иональным> лейб-медиком; Обручевым, газетная вырезка портрета которого никогда в моей квартире и не было).

Но я признал, что, действительно, мое мнение, и оно могло быть высказано однажды (соседу по комнате в квартире): "Л. Толстой имеет большее общечеловеческое значение, чем Ленин". Что я рассказывал, как слух, мне сообщенный в Кабардинке, что горные жители в Абхазии угоняли скот в горы; что это мое мнение — ошибочность отпугивания в 1918 г<оду> интеллигенции от участия в соц<иалистическом> строительстве, которое при этих условиях быстрее бы шло. Вместе с тем я высказывался, что Маркс, как мыслитель, несравним с Л. Толстым, и что Толстой велик не как философ.

Совершенно в недоумении — возможно ли советского ученого, исследователя, о трудах которого акад<емик> А. А. Шахматов давал Факультету отзыв: "работы В. М. Попова обогатили науку новыми обширными наблюдениями", — отрывать от работы, от семьи (которая после этого распыляется по четырем местностям Союза), несовершеннолетних детей, семьи хозяйства бедняцкого, освобожденного от налога, — подвергать всем ужасам ссыльной жизни, вроде происшедшего со мною в январе этого года.

Я прошу Комиссию Красного Креста обратить внимание на вопиющее невежество следователя, ведшего разбор предъявленных мне обвинений

³ Перед тем Всесоюзная Академия Наук чествовала юбилейные дни Л. Толстого, и я бывал приглашаем для участия, как лектор в Ленинграде.

в янв<аре> 1931 г<ода>⁴, и приведших к попиранию прав гражданина в январе с<его> г<ода>.

В. М. Попов.

1 февр<аля> 1932 г<ода>.
Котлас, Калининская, 19
Сев<ерный> край»⁵.

В марте 1932 — Владимир Михайлович Попов вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<26 марта 1932>

«Председательнице Красного Креста
Е. П. Пешковой.

Я, ученый, магистрант Петроградского Университета, исследователь русского языка, продолжаю переносить непонятные мучения.

Я просил в Котласе о переводе меня в Красногорск для работы при мастерской А. Борисова, — меня направили в Никольск, оттуда на работу по сплаву леса, несмотря на признание медиц<инской> комиссией Д<ома> З<аключенных> в Новороссийске не пригодным к тяжелому физич<ескому> труду по болезни сердца. Мед<ицинское> освидетельствование 24 марта врачом Трубецкой на лесопункте констатировало "настоящий порок сердца" (miokardotos), но я не снят с работы в лесу, которую несу уже 2-й месяц.

Прошу Вашего вмешательства и запроса обо мне, если возможно, безотлагательного, так как не идти на ударную работу нельзя, а на ней я задыхаюсь, должен много есть, не имея ни одного зуба жевательного во рту, с опухшими коленями и без соответственной одежды⁶.

Никогда я не был партийным, высылку в Сев<ерный> край по 58-10 ст<атьи> я считаю причиной незаслуженных оскорблений, горя и страдания⁷, отрыва от моей исследовательской деятельности, подготовки к изучению научных работ, и, надеюсь, что Красному Кресту удастся восстановить мои человеческие права (например, доказать, что я не толстовец, извлекая мои письма к Л. Н. Толстому за 1910 г<од>, отмеченные в журнале писем к нему, Моск<овский> Толст<овский> Архив).

Владимир Михайлович Попов.

26 марта 1932.

Сев<ерный> край, Никольский район,
Лесопункт при кол<хозе> "Прибой"
Осиновского с<ельского> с<овета>»⁸.

⁴ Оно было начато замечанием: "Вас можно привлечь к ответу за одно то, что Вы занимались метеорологическими наблюдениями, не имея инструментов". На что мною <было> отвечено — советская наука различает метеорологическую инструментальную и не инструментальную.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 798. С. 177-178. Автограф.

⁶ Н<иколай> Евг<еньевич> Ончуков, здесь же знает, что я нынче после сыпного тифа, 2 месяца посещала <нрзб>.

⁷ Часть которого уже известна ОППЗ Красного Креста.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 798. С. 185. Автограф.